

С.И.Голод

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СУБКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВ

Голод Сергей Исаевич — доктор философских наук, руководитель группы "Социология семьи, гендерных и сексуальных отношений" Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН

Сегодня вряд ли кто станет отрицать психофизическое своеобразие полов, однако немногие согласятся с принципиально различным социокультурным предназначением женщин и мужчин. В условиях жесткой зависимости индивида от природы и социума эта асимметричность выглядела незамутненной: женщина отвечала за естественное воспроизводство поколений, мужчина — за культурное. Роль транслятора навыков и образцов, то есть собственно человеческого опыта, предопределила господствующее положение мужчин в обществе. Глубина их претензий наглядно высвечивается в символическом присвоении прокреативной функции.

Социальный прогресс, особенно в своей научно-технической стадии, способствовал ослаблению обозначенных зависимостей, тем самым смягчая, но не ликвидируя половых различий. Другими словами, открывшаяся возможность равновероятного овладения веером социальных ролей не привела к утрате "полового лица", однако способствовала индивидуализации как мужчин, так и женщин. Именно последняя подпитывает движение женщин за мифическое равенство полов [1; 2].

Размывание стереотипов маскулинности и фемининности, по моему мнению, наилучшим образом прослеживается в интимнейшей сфере взаимоотношений полов — эротической, которая, с одной стороны, природна, с другой — предельно окультурена.

Начнем с клиники. Согласно многочисленным наблюдениям, мужская сексуальность по сравнению с женской выглядит более возбудимой, агрессивной и экстенсивной. Женская сексуальность диффузна, в ней участвует множество эrogenных зон. У значительной части женщин психологическая сторона удовлетворения от физической близости доминирует над физиологической.

Не будем преувеличивать, клиника улавливает в основном природную специфику полов. Культурные же различия проясняются репрезентативными опросами, приподнимающими завесу над повседневными реалиями сексуального поведения широкого круга лиц. Отсутствие эмпирических данных — благоприятная почва для домыслов и мифотворчества. Ограничусь примером, который, хотя и принадлежит истории, ярко подтверждает мою мысль. "Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между типичными качествами у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душой в ее идеале, завершении, — замечал В.В.Розанов. — И слова о "слиянии душ" в супружестве, т.е. в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, — "души сливаются" у особей, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны (и от этого дополняют друг друга) эти души! Мужская душа в идеале — твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, одолевающая: но между тем ведь это все — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой!... Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка души — нежность, мягкость, податливость, уступчивость. Но это только — названия качеств ее детородного органа... Каковы души, таковы и органы" [3, с.33-34].

Трудно не поддаваться натиску и поэтичности повествователя. И все же, если "половые лица" описаны с натуралистической достоверностью, то с душами не все столь просто. Мягкость и податливость женской души — это, скорее, патриархали-зированное

ожидание, чем реальность. Достаточно сослаться на мужчин, названных в середине прошлого века мазохистами. Им импонируют женщины неуступчивые, напористые и прямолинейные.

Итак, согласно стереотипу, сексуальное поведение мужчины на инструментальном языке можно охарактеризовать следующим образом: "относительно раннее начало", "частая сменяемость партнерш", "поверхностная эмоциональная вовлеченность" и "низкая интимность". Женский стереотип сексуальности ассоциируется с "избирательностью", "экспрессивностью", "нежностью" и "эротизмом". Верность и неизбежность стереотипов я предполагаю проверить, главным образом, на собственных эмпирических данных.

Важные отличия фиксируются уже на пороге полового созревания. У девочек с 12-13 лет пробуждается интерес к эротике, у мальчиков в пубертате зарождается собственно сексуальная потребность. И пусть никого не вводит в заблуждение, если пятнадцатилетняя школьница горячо оправдывает случайные сексуальные связи, объясняя их всепоглощающим влечением к мужчинам. Подобное заявление рассудочно и подпитывается не природой, а непосредственным окружением и воздействием примитивной символики, пропагандируемой средствами массовой информации. К слову, на мою просьбу вспомнить, сопровождалось ли половое созревание обострением интереса к сексуальности, положительно ответило вдвое больше юношей, чем девушек (64% против 35%). Нетрудно предположить несовпадение мотивов, сдерживающих начало сексуальной активности. В самом деле, у студенток (независимо от года опроса) ведущие побуждения — моральные соображения (70-75%) и сексуальная индифферентность (32-46%), у студентов — отсутствие случая реализовать потребность (44-52%) и моральные соображения (40-48%).

Рельефнее субкультурное своеобразие полов отражается в актуальном поведении. Данные опросов свидетельствуют: мужчины, как правило, раньше женщин вовлекаются в сексуальную практику. Так, юноши в среднем чаще, чем девушки, начинают сексуальное общение до 18 лет. Среди рабочих до 16 лет начали сексуальную жизнь 17% юношей и менее 2% девушек, а в период с 19 до 21 года — соответственно 36% и 55%. Установленная эмпирическая закономерность поддается интерпретации. Раннее вступление мужчин в сексуальные связи в немалой степени предопределено физиологией, а рост сексуальной вовлеченности женщин с девятнадцатилетнего возраста в большой мере сопряжен с эротической зрелостью. Как правило, девушки соотносят сексуальные отношения либо с любовью, либо с ухаживанием, имеющим матримониальную направленность, реже — с фактом вступления в брак.

Почти каждый второй холостяк мотивирует вступление в первую сексуальную связь остротой влечения, 40% — любопытством и только каждый пятый — чувством любви. Среди женатых последовательность побуждений (воссозданная ретроспективно) аналогична, правда, фиксируются количественные сдвиги: повысился удельный вес "влечения" и, напротив, снизился — "любопытства". Незамужние женщины в 70 случаях из 100 называют в качестве стимула любовь, а каждая пятая — любопытство. У замужних обнаруживается такая последовательность: 60% считают любовь основанием первой физической близости, на втором месте (20%) сексуальное влечение, далее примерно одинаковое число ссылок на активное требование жениха и факт замужества. Таким образом, брачный статус не оказывает влияния на мотивацию мужчин, но значим для женщин.

Время и мотив вступления в первую сексуальную связь, конечно, важные составляющие приватного образа жизни каждого из полов. Однако большее, если не решающее значение имеет тип общения.

У мужчин варианты партнерства выглядят так: постоянное — 30,9%, случайное — 29,5%, совмещение обоих — 39,6%. Выделяются, условно говоря, маргиналы, т.е. лица, состоящие одновременно в двух разнохарактерных добрачных связях. При этом ответить на вопрос, какой из контактов базовый, а какой — дополнительный, затруднительно. Попробуем подойти к проблеме непрямой: методом исключения однозначных статусов.

Молодых людей, ограничивших сексуальное общение единственной женщиной, очевидно, можно отнести к числу реализовавших свою эротическую потребность или/и выбравших потенциальную супругу. Иной смысл скрывается за актуализацией случайных контактов. Что подталкивает юношей к этому? По-видимому, неспособность самоутвердиться другим образом или неумение преодолеть гиперсексуальность. Отсюда концентрация всех помыслов на релаксации. Само по себе наличие "ущербных" связей не должно удивлять, скорее поражает их массовость. Чем же она предопределена? Отсутствием избирательности в самой, казалось бы, личностной сфере человеческой деятельности, когда женщина не воспринимается как субъект отношений, ее экзистенциальный мир остается чуждым, не востребуемым. Она превращается в фетиш. Что касается третьего варианта партнерства, то мужчины, выбравшие его, с одной стороны, не склонны сводить сексуальность исключительно к релаксации, а с другой — оказываются несостоятельными при гармонизации материально-телесного "низа" и духовного "верха". Их сексуальная жизнь амбивалентна, протекает в постоянном противоборстве секса и эроса, секса и агапэ. Попытки занять определенную позицию, преодолеть дуализм не приводят, как правило, к желаемому, в результате — фрустрация.

Несколько слов о поведении девушек. Большинство (79,7%) предпочитают добрачные сексуальные отношения с постоянным партнером. С этим фактом массовое сознание, по-видимому, смирилось. В то же время каждая десятая вступает в такие связи со случайным знакомым. Однако наибольший удар по традиционному представлению наносят женщины (около 10%), которые, имея постоянного партнера, не отказываются от параллельной близости со случайным знакомым. Эмоционально два последних типа поведения могут оцениваться по-разному, но важнее выявить их истинную подоплеку. Если случайное партнерство объясняется трудностями установления стабильных отношений, то резонно задать вопрос: почему идут на случайные контакты, имея постоянного неформального партнера? Невольно закрадывается сомнение: не идеализирован ли стереотип, сопрягающий женскую сексуальность с избирательностью и экспрессивностью?

Подавляющее число молодых женщин имеют постоянные сексуальные отношения, среди мужчин таких менее трети. Несмотря на то, что мужчинам установить стабильные связи несравненно легче, случайных контактов у них в три раза больше, чем у женщин. Это одно из подтверждений их экстенсивности, малой вовлеченности в общение. И еще: первый сексуальный опыт мотивировали любовью 58% девушек и 26% юношей. У каждого четвертого молодого человека партнерша — случайная знакомая, и только у 7% — потенциальная невеста; у 5% девушек партнер — случайный знакомый, а у 35% — потенциальный жених.

Выскажу следующее соображение: психофизиологическая половая специфика (диморфизм), несомненно, влияет, однако жестко не предопределяет всю гамму эротического самовыражения молодых людей. Так было всегда, но в XX веке "разбалансированность" увеличилась. Механизм социализации, обуславливающий формирование половых субкультур (определенных ожиданий, ценностей, правил), оказывается в одних случаях созвучным, в других — диссонирующим психофизике человека. Определяющим в новой ситуации становится выбор индивидом, относительно автономным от социума, меры согласования природного "каркаса" с традиционными социокультурными нормативами и ценностями. Неординарность задачи половой идентификации подтверждается многообразием гетеросексуального (отчасти, гомосексуального) поведения юношей и девушек. Невосприимчивость к происходящей трансформации нередко заканчивается драмой.

Американский психолог Ф.Зимбардо указывает, что врачи подметили среди студентов рост импотенции. Это явление они связывают с повышенной тревожностью и смещением половых ролей у юношей в случаях, когда девушки предлагают им вступить в сексуальные отношения. К этому примешивается и чувство вины, возникающее в результате противоречия между моральным и религиозным неприятием таких контактов и невозможностью (что было бы не "по-мужски") отказаться от лобового предложения [4, с.91].

Признавая сложность и противоречивость сексуального самовыражения в молодые годы, обусловленную в первую очередь социально-нравственной незрелостью личности, я полагаю, что проблема коррозии стереотипа встает во весь рост в пору зрелости. Что имеется в виду?

Индивид (независимо от пола), вступив в брак, как правило, адаптируется к традициям и обычаям, регламентирующим соотношение семейных и личных интересов. Под влиянием эволюции моногамии происходит смещение акцента в сторону личных интересов. Этот процесс, разумеется, затронул и сферу сексуальности. Немало супругов оказались перед дилеммой: интенсифицировать эротические отношения в браке или прибегнуть к дополнительным каналам эмоционального общения. (Нельзя исключить и тех, кто использует оба пути.) В соответствии с характером мужской и женской сексуальности ожидалось, что жены воспользуются первой возможностью, мужа — второй. Для проверки высказанного предположения обратимся к эмпирике.

За двадцатилетний период (1969-1989 годы), судя по опросам интеллигенции, ни у мужчин, ни у женщин не произошло существенных сдвигов в общей положительной оценке меры удовлетворенности браком (75-80% от общего числа опрошенных). Вначале рассмотрим супружескую сексуальность.

У мужчин в обоих опросах показатель "физическая близость" расположен на одном и том же — третьем — месте на семичленной шкале при незначительном колебании. Иное у женщин: за рассматриваемый период возрос удельный вес этого фактора на 10 пунктов, и он переместился на третье место. Затронута и качественная сторона отношений. При конкретизации меры сексуальной удовлетворенности выяснилось, что около 40% мужей испытывают удовольствие, среди жен в 1969 году таких оказалось 30%, в 1989 году — уже 40%. За тот же период число "безразличных" и "неудовлетворенных" в выборках мужчин снизилось в 1,8 раза, женщин — в 2,5 раза. Еще одно новое явление: жены не просто стремятся получить чувственное наслаждение, а предпринимают решительные действия для нахождения взаимоприемлемого общения (традиционно такая активность приписывалась исключительно мужчинам). Иначе говоря, в рамках брачного союза они стремительно осваивают эротические ценности. Таким образом, гипотеза относительно направленности женского поведения как будто бы подтверждается. Вместе с тем в поле зрения должна находиться и внебрачная деятельность. Ее обсуждение начнем с принципиальной оценки адюльтера.

В 1969 году выявлена такая направленность ориентации: 35% опрошенных женщин оправдывали возможность внебрачных сексуальных контактов, 38% высказывались неопределенно, и 27% их осудили. Опрос, проведенный через два десятилетия в том же социальном слое, установил статистически незначимое колебание оценок, а именно: 36%, 33% и 31%. Велик соблазн поверить в отсутствие зависимости между интенсификацией супружеской сексуальности и оценками женщин внебрачной практики. Я полагал, что картина может быть скорректирована частными корреляциями, например, между эротической отзывчивостью и направленностью ориентации. Предположение подтвердилось. Среди женщин, испытывающих чувственное наслаждение от близости с мужем, число оправдывающих адюльтер (за обозреваемый период) осталось неизменным, тогда как количество осуждающих возросло на 12 пунктов. Иное у женщин, которым безразлична супружеская сексуальность: здесь число оправдывающих внебрачные контакты возросло на треть. Нельзя пренебречь и количественным ростом внебрачной практики. Если в 1969 году наличие сексуальных связей, помимо мужа, признавала каждая третья женщина, то в 1989 году около 50%. Наряду с этим отмечен рост согласованности и рассогласованности вербального и актуального поведения. В 1969 году среди замужних женщин, оправдывающих адюльтер, как минимум, половина его практиковала, в 1989 году — уже более 70%; среди осуждающих соответственно 6% и 25%.

Теперь о показателях мужского поведения. Напомню: за 20 лет не произошло видимой интенсификации супружеской сексуальности и мало изменились оценки внебрачных связей (снизилось лишь "осуждение" на 7%; к концу 80-х годов осуждал адюльтер каждый десятый мужчина). Незначительные изменения в вербальном поведении сопровождались радикальными переменами в практике. Если в 1969 году

внебрачные контакты отмечала примерно половина респондентов, то к 1989 году — свыше 75%. Причем рост внебрачной активности наблюдался как среди "оправдывающих", так и среди "осуждающих", соответственно по годам: 62% против 92% и 12% против 25%.

На первый взгляд, данные кажутся исчерпывающими и убедительными. Моя версия как будто приобретает статус аксиомы: женщины склонны интенсифицировать супружеский эротизм, тогда как мужчины — расширять внебрачный поиск. Вместе с тем непростительно игнорировать активизацию женщинами внебрачной практики. Количественные показатели их вовлеченности к концу 80-х годов значительно разнились от мужских (48,4% против 76,8%), но темпы роста были близки: 1,5 раза и 1,6 раза, то есть в последней четверти века во внебрачных отношениях состояло большее число женщин, чем мужчин в 60-х годах. В связи с этим встает новая задача: выявить суть обнаруженных различий в поведении мужчин и женщин. Сводятся ли они к количественным нюансам или определяют качественно иные состояния?

Мотивы внебрачных связей и характер партнерства отчасти проливают свет на интересующую нас проблему.

В 60-х годах подавляющее число мужчин (около 70%) мотивировали свои половые контакты случайностью: устанавливались связи, не обременяющие их какими-либо обязательствами. Значительной была и доля тех, кто объяснял свои действия необходимостью компенсировать сексуальную неотзывчивость жены (более 20%). Между названными побуждениями, по сути, нет разницы. Речь идет о реализации потребности в релаксации. На этом фоне любовная мотивация выглядит как откровенно периферийная (8%).

В 80-х годах шкала мотивов стала не только разнообразнее, но и, с определенными оговорками, качественно иной. Значимо снизился удельный вес случайных контактов (до 44%), и, напротив, возросло число ссылок на любовь (15%) и эротику (2%). И хотя число отметивших любовно-эротическое влечение не так уж велико, важна тенденция. Мимо самого этого факта пройти нельзя. И вот почему. У определенной части зрелых (в нравственно-эстетическом смысле) мужчин эмоциональные ценности стали доминировать над собственно-телесными. А это подчас отождествляется обыденным сознанием с фемининным стереотипом.

Неожиданными оказались ответы 30% женатых мужчин, которые назвали адюльтер средством ухода от одиночества. Внесем уточнение. Вопрос о мотивах вступления во внебрачные связи предусматривал три варианта "подсказки" (любовь, физическая неудовлетворенность и случайность). Мы предполагали, что респонденты самостоятельно дополняют список. Так проявилось "одиночество". Ставка на внебрачную сексуальность как на средство ухода от одиночества — иллюзорна. Казалось бы, если мужчина в браке попал в затяжную полосу фрустрации, то выход должен быть радикальным — развод. Попытка же решить проблему с помощью адюльтера заканчивается "бегством в разврат".

У женщин за два прошедших десятилетия — при росте внебрачных контактов — коренных изменений в структуре мотивов не обнаружено. Например, хотя в конце 80-х годов "новая" любовь и называлась в качестве основания адюльтера чаще, чем прежде, однако колебания статистически незначимы (29% против 22%). Ссылки на физическую неудовлетворенность мужем остались на прежнем уровне (29% против 28%). Вместе с тем, уменьшилось число случайных связей (30% против 42%). Итак, женские потребности в большей мере эротико-агапейны, мужские — телесно-эротические.

При изучении вопроса о мере устойчивости внебрачных контактов предлагались три варианта ответа: "длительные и систематические", "длительные, но нерегулярные" и "случайные". Вероятно, женатые мужчины будут действовать в традиционном ключе, минимизируя регулярное внебрачное партнерство; а дабы не подрывать семейные основы и не нарушать нравственно-правовые обязательства, отдадут приоритет случайным связям. Замужние женщины в силу своей природы и жесткости направленных против них культурных запретов, видимо, сравнительно реже мужчин будут склоняться к адюльтеру, а выбирая его, предпочтут стабильные контакты случайным.

Полученные данные в целом подтвердили эту гипотезу. Так, 51 % мужчин и 67% женщин имели "длительные, но нерегулярные контакты". В других случаях влияние пола еще нагляднее. Женщины в два раза чаще мужчин состоят в "длительных и систематических" отношениях и в три раза реже — в "случайных". Собственно говоря, эти соотношения повторяют характер добрачной практики.

Подведем итоги. Выявлен многогранный, противоречивый процесс, который нельзя назвать движением в сторону равенства мужчин и женщин.

Наблюдения подтвердили неизбежность природной дифференциации полов, одновременно обнаружено углубление физического разноцветия у женщин и психологического — у мужчин. Массовые опросы дополняют картину эмансипации сексуальности: с одной стороны, прорисовываются черты каждого из полов, с другой — их поведение сближается по мужскому традиционному образцу. Сосуществование названных тенденций подпитывается тем, что в поведении одних (независимо от пола) сопрягается противоборство обычаям и устранение наносного, исторически преходящего, а другие (исключительно женщины) отождествляют патриархальные принципы с исторической случайностью ("дьявольским наваждением"), отвергая возможность вычленить из них общечеловеческое (как ни парадоксально, именно феминистки чаще неосознанно стремятся адаптировать всю гамму архаических ценностей). Значительная доля мужчин по-прежнему проявляет себя в согласии с маскулинным стереотипом. Взаимодействие обозначенных устремлений благоприятствует формированию разнообразных линий сексуального поведения. У женщин они особенно впечатляют: от "викторианок" (максимально скованных) через "венерианок" (кокетливо игривых) до "амазонок" (неприкрыто напористых).

Сказанного вполне достаточно, чтобы понять бесперспективность традиционных стереотипов маскулинности и фемининности. Субкультурные различия не случайны, но и не фатальны. Ничто не препятствует росту избирательности и инновационным поискам как женщин, так и мужчин. Эти различия не создают непреодолимых барьеров на пути интериоризации, казалось бы, "чуждых" образцов, приписываемых тому или иному полу. Так, поведение женщин с откровенно рациональными или садистическими наклонностями, равно как мужчин с повышенным эмоциональным или мазохистским комплексом сегодня уже воспринимаются не как аномалия, а, скорее, как вариант нормы. В дальнейшем линии сексуального поведения будут множиться, создавая континуум с полюсами — яркими индивидуальностями и субъектами со стертыми "половыми душами" (В.В.Розанов).

Описанная поведенческая поливариантность — лишь одно из свидетельств активного усвоения женщинами всего спектра социальных ролей. Вместе с тем здесь рельефнее, чем в любой другой сфере, взаимодействия мужчин и женщин высвечивают границы толерантности, выход за пределы которых чреват утратой половой специфичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988.
2. Общая сексopatология / Ред. Г.С.Васильченко. М. Медицина, 1977.
3. Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства. Т.2. М.: Правда, 1990.
4. Зимбардо Ф. Застенчивость. М.: Педагогика, 1991.